

СТОИЦИЗМ В XXI ВЕКЕ

NON SCHOLAE,
SED VITAE DISCIMUS

МУДРОСТЬ:
КАК ОТЛИЧАТЬ
ВАЖНОЕ
ОТ ГРОМКОГО
И ЖИТЬ
БЕЗ САМООБМАНА

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«СТОИЦИЗМ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ»

РАЙАН
ХОЛИДЕЙ

МИ∞

МИФ Психология

Райан Холидей

**Мудрость: как отличать важное от
громкого и жить без самообмана**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2025

УДК 159.923.2
ББК 88.3

Холидей Р.

Мудрость: как отличать важное от громкого и жить без самообмана / Р. Холидей — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2025 — (МИФ Психология)

ISBN 978-5-00-281016-1

В заключительной книге культовой серии «Стоицизм в XXI веке» современный философ Райан Холидей размышляет о том, как достичь мудрости – ключевой добродетели, без которой невозможны все остальные. Опираясь на истории известных личностей – от Сократа до современных лидеров, – он показывает: мудрость не дается от рождения и не приходит с возрастом, это навык, формирующийся через сомнения и постоянную работу над собой. Вы узнаете, как отличать важное от информационного шума, научитесь избегать ловушек мышления и подвергать сомнению свои и чужие убеждения, а практики чтения, наставничества и анализ ошибок помогут мыслить яснее и принимать взвешенные решения.

УДК 159.923.2

ББК 88.3

ISBN 978-5-00-281016-1

© Холидей Р., 2025
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2025

Содержание

Четыре добродетели	6
Введение	9
Часть I. Агогэ (Ваш тренировочный полигон)	12
Необычное образование...	13
Беседуйте с мертвыми	22
Будьте любознательными	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Райан Холидей

Мудрость: как отличать важное от громкого и жить без самообмана

Оригинальное название:

Wisdom Takes Work: Learn. Apply. Repeat

На русском языке публикуется впервые

Книга не пропагандирует употребление алкоголя. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright © 2025 by Ryan Holiday

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Portfolio, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

*Пусть никто в молодости не откладывает занятий философией,
а в старости не утомляется ими: ведь для душевного здоровья никто
не может быть ни незрелым, ни перезрелым. Кто говорит, что
заниматься философией еще рано или уже поздно, подобен тому, кто
говорит, будто быть счастливым еще рано или уже поздно.*

Эпикур¹

¹ Эпикур «Письмо к Менекею». Перевод М. Л. Гаспарова. Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.

Четыре добродетели

Однажды Геракл оказался на распутье.

На развилке дорог среди холмов Греции под сенью сосен великий герой греческих мифов встретился со своей судьбой.

Никто не знает, где и когда произошло это событие. Нам известно о нем со слов Сократа². Оно запечатлено на прекраснейших картинах эпохи Возрождения. В кантате Баха ощущаются зарождающаяся энергия, крепкие мускулы и страдание героя. Если бы Джон Адамс в 1776 году настоял на своем, Геракл на распутье был бы изображен на официальной печати новорожденных Соединенных Штатов.

Ведь в тот момент, еще до своей бессмертной славы, до двенадцати подвигов, до того, как он изменит мир, Геракл столкнулся с кризисом – таким же серьезным и реальным, с каким сталкивается каждый из нас.

Куда он направлялся? Куда он пытался пойти? В этом суть истории. Одиноким, неизвестным, неуверенным, он, как и многие люди, не знал, что делать.

Когда Геракл сидел на распутье, к нему подошли две женщины. Одна – в нарядной одежде – предлагала ему все искушения, которые он только мог представить. Она обещала ему легкую жизнь и клялась, что он никогда не испытает нужды, несчастий, страха или боли, что все его желания будут исполнены.

На другой дороге стояла женщина в строгих белых одеждах. Ее предложения были не так заманчивы. Она обещала лишь те награды, что появляются в результате упорной работы, и говорила, что путешествие окажется долгим, что придется чем-то жертвовать и сталкиваться со страшными вещами. Но это будет путешествие, достойное бога. Оно сделает Геракла таким, каким его хотели бы видеть его предки.

Происходило ли все так на самом деле? Если это всего лишь легенда, имеет ли она значение?

Да, потому что она рассказывает о нас.

О нашей дилемме. О нашем собственном распутье.

Геракл выбирал между Порочностью и Добродетелью, между легким и трудным путем, между проторенной и малохоженой дорогой. Все мы сталкиваемся с таким выбором.

Поколебавшись всего миг, Геракл принял важное решение.

Он выбрал Добродетель.

Слово «добродетель» может показаться старомодным. Однако добродетель – у греков ἀρετή («аретэ») – означает нечто весьма простое и вечное. Совершенное. Нравственное. Физическое. Духовное.

В античном мире выделяли четыре основные добродетели.

Мужество.

Умеренность.

Справедливость.

Мудрость.

Император-философ Марк Аврелий называет их благами³. Миллионы именуют их кардинальными добродетелями. Это четыре почти универсальных идеала, принятых христианством и почти всей западной философией, однако точно так же ценимых в буддизме, индуизме

² Источник притчи – речь софиста Продика. Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» излагает эту историю устами Сократа, который ссылается на Продика.

³ «Задумай подлинно существующее благо, ну вот благоразумие, здравомыслие, справедливость, мужество...» Марк Аврелий «Размышления», 5.12. Перевод А. К. Гаврилова.

и практически во всех философских течениях, которые придут вам на ум. Писатель и богослов Клайв Льюис указывал, что кардинальными они называются не потому, что исходят от церковных властей, а потому, что происходят от латинского слова *cardo*, то есть «дверная петля».

На этих петлях висит дверь в хорошую жизнь.
Именно «петли» – тема этой книги и целой книжной серии.
Четыре книги⁴. Четыре добродетели.
Одна цель: помочь вам сделать выбор...

Мужество, храбрость, стойкость, честь, самопожертвование...

Воздержанность, самоконтроль, умеренность, спокойствие, равновесие...

Законность, справедливость, служение, братство, нравственность, доброта...

Мудрость, знание, просвещение, истина, самоанализ, покой...

Они – это ключ к жизни с честью, со славой и совершенством во всех смыслах. Те черты, что Джон Стейнбек прекрасно охарактеризовал как «приятные и желанные для их обладателя, заставляющие его совершать поступки, которыми он может гордиться и которыми может быть доволен»⁵. Однако под словом «он» следует понимать все человечество. В Древнем Риме не было феминитива для слова *virtus* (добродетель). Добродетель не была мужской или женской. Она просто *была*.

Сейчас она тоже есть. Неважно, какого вы пола. Неважно, сильны вы физически или болезненно застенчивы, гений вы или обладатель среднего интеллекта. Добродетель – это универсальный императив.

Добродетели взаимосвязаны и неотделимы, но все же различны. Чтобы поступать правильно, почти всегда нужно мужество; дисциплина невозможна без мудрости – следует знать, что выбирать. Что хорошего в мужестве, если его не использовать для справедливости? Что хорошего в мудрости, если мы не становимся умереннее?

Север, юг, запад, восток: четыре добродетели – своеобразный компас. Они ведут нас. Они показывают нам, где мы и в чем истина.

Аристотель описывал добродетель как своеобразное ремесло – то, чем следует овладевать точно так же, как любой профессией или умением. «Ибо если нечто следует делать, пройдя обучение, то учимся мы, делая это; например, строя дома, становятся зодчими, а играя на кифаре – кифаристами. Именно так, совершая правые поступки, мы делаемся правосудными, поступая благоразумно – благоразумными, действуя мужественно – мужественными»⁶.

Добродетель – это то, что мы *делаем*.

То, что мы *выбираем*.

Да, Геракл оказался на распутье, но это не уникальное событие. Это ежедневный вызов, и мы сталкиваемся с ним регулярно, раз за разом. Будем ли мы эгоистичными или бескорыстными? Храбрыми или боязливými? Будем возвращать хорошие привычки или дурные? Мужество или трусость? Блаженство невежества или вызов, который бросает новая идея?

Оставаться прежними... или расти?

⁴ Четыре книги серии: Холидей Р. Мужество: почему смелым судьба помогает. М.: МИФ, 2022; Холидей Р. Умеренность: путь к свободе, мудрости и величию. М.: МИФ, 2023; Холидей Р. Справедливость: решая, как поступить, ты определяешь свой путь. М.: МИФ, 2025; Холидей Р. Мудрость: как отличать важное от громкого и жить без самообмана. М.: МИФ, 2026.

⁵ Джон Стейнбек «Дневник романа. Письма о романе “К востоку от рая”» (1969).

⁶ Аристотель «Никомахова этика», книга вторая. Перевод Н. Брагинской.

Путь легкий или путь правильный?

Введение

Цель бытия – познание; и, если вы скажете, что цель познания – это действие, – да, но цель этого действия – опять же познание.
Ральф Уолдо Эмерсон⁷

Среди всех добродетелей мудрость наиболее неуловима. Это то, к чему мы стремимся, то, что непрестанно пытаемся обрести.

И все же мы понимаем: достичь ее в полной мере почти невозможно; в лучшем случае к истинной мудрости получится лишь *приблизиться*. Несмотря на целую жизнь, отданную трудам, она раз за разом ускользает, с каждым шагом отодвигаясь все дальше, подобно горизонту, до которого никогда не добраться.

Столь же неуловима она и тогда, когда пробуешь дать ей определение. Очевидно, что это больше, чем просто ум, больше, чем обладание знаниями и фактами, и даже больше, чем пронизательность. Это интеллект, интуиция, опыт, образование, философия и практическое понимание, осознанность и остроумие, широта взгляда, прозорливость – и да, то самое благо-разумие, которое древние порой именовали мудростью.

Это все перечисленное и все-таки каким-то непостижимым образом нечто гораздо большее.

Так вы хотите сказать, что не можете объяснить, что такое мудрость и как ее обрести?

Да. Добро пожаловать в жизнь. Здесь все сложно. Только глупец верит в простые пошаговые рецепты.

Мудрость требует *усилий*. Как и любовь, и счастье, и все по-настоящему ценное. К мудрости нельзя прийти с помощью лазеек или срезая дорогу. Любой, кто заявляет, что знает легкий способ ее обрести, – лжец, а тот, кто утверждает, что уже обладает ею, скорее всего, обманывается.

Одно можно сказать о мудрости совершенно точно: с ней не рождаются.

И все же прочие добродетели, несомненно, рождаются из нее – не зря мудрость называют их матерью. Может ли человек быть по-настоящему мужественным, если он не осознает рисков? Как без мудрости вообще понять, где требуется мужество? Разве самодисциплина не растрачивается впустую, если направить ее на ложные цели или использовать неэффективно? Можно иметь доброе сердце, но без знания дела, смекалки и дальновидности любые попытки добиться справедливости обречены на провал.

Стало быть, мудрость – это знание...

...что делать,

...когда делать

...и как делать.

Мудрость – это *умение понимать, что к чему*.

Это способность ясно видеть то, что находится перед глазами. Это стремление понять, как устроен мир, почему что-то происходит, как обстоят дела сейчас и что может случиться дальше. Это не энциклопедическое знание фактов и цифр, а нечто глубокое и прикладное – ведь вовсе не острый ум юриста сделал Ганди Махатмой.

Если мудрость трудно определить, то с ее противоположностью все куда проще. Мужество – материя сложная, а трусость – простая; точно так же и с мудростью – ее неуловимость

⁷ Ральф Уолдо Эмерсон «Круги».

резко контрастирует с очевидностью глупости. Мы узнаём глупца, когда видим его⁸. И точно понимаем, что не хотим быть такими.

Никто не рождается мудрецом, но никто не рождается и дураком. Невежественным – безусловно, но оставаться ли таким – это уже выбор. Что выберем мы?

И мудрость, и глупость – это своего рода асимптоты⁹. Кто-то дальше от оси, кто-то ближе; одни умнее, другие образованнее – но, поскольку функция бесконечна, возможности безграничны. Всегда можно чему-то поучиться, что-то узнать, что-то понять о мире и о себе. Верно и обратное: как бы глуп ни казался человек, всегда есть место для удивления, ведь человеческая глупость тоже бесконечна.

Мы стремимся к мудрости лишь по одной причине: она нам нужна. И позже, и прямо сейчас. Жизнь – игра для тех, кто умеет думать. Сегодня перед нами встает выбор, определяющий наше будущее, завтра – моральная дилемма. Сложные проблемы. Непростые люди. Запутанные ситуации. Скрытые возможности.

В эти моменты, судьбоносные или проходные, нужная мудрость либо окажется с вами, либо нет. Опыт, знания и понимание либо уже накоплены, либо нет. Мы либо проделали необходимую работу, либо нет. Именно в этот миг мы осознаем, что мудрость нельзя обрести, не потрудившись.

Итак, мудрость – запаздывающий индикатор¹⁰ работы, проделанной в прошлом, плод, выращенный из давно посеянного семени. И как учили нас древние, мы пожинаем лишь то, что посеяли.

ВОТ В ЧЕМ СУТЬ

Сенека рассказывает историю о тщеславном, но ленивом римлянце Кальвизии Сабине. Он хотел произвести впечатление на своих образованных друзей, но вместо того, чтобы читать самому, завел себе нескольких ученых рабов. Один знал наизусть Гомера, другой – Гесиода. Имелся у него раб для Сафо, раб для Пиндара, для Симонида – для всех древнегреческих поэтов, которых должны были знать представители аристократии¹¹.

Он полагал, что ловко устроился: эти люди подсказывали ему строки на пирах, всегда оказываясь под рукой, когда он хотел прочитать стихи гостям за столом. Но как-то один насмешник предложил больному и хилому Сабину заняться борьбой. «Как же я смогу? Я и так еле жив!» – ответил Сабин. «Не смей так говорить. Разве ты не видишь, сколько у тебя здоровенных рабов?»¹²

Мы все хотим получить желаемое даром, словно можно перемотать пленку вперед к моменту, когда это у нас уже есть. Мы ищем уловки и чит-коды, будто мудрость возможна без невероятных усилий, без учебы длиною в жизнь. Сенека напоминает нам, что это нельзя поручить другому.

Нет технологии, способной учиться за вас. Нет приложения. Нет того, кто просто загрузит знания в ваш мозг. Нет гуру, который приведет вас к просветлению, или шамана, который

⁸ Отсылка к американской крылатой фразе «Узнаю, когда вижу», которая подразумевает умение классифицировать явление даже при отсутствии точного определения.

⁹ Асимптота для некоторой кривой – прямая, расстояние от которой до кривой стремится к нулю на бесконечности. В сравнении автора такой прямой является ось координат.

¹⁰ Запаздывающий индикатор – экономический показатель, демонстрирующий последствия более ранних действий.

¹¹ Точнее, у Сабина было по рабу на каждого из девяти величайших лириков. В канонический список входили Симонид Кеосский, Алкей, Алкман, Стесихор, Анакреонт, Сафо, Ивик, Вакхилид и Пиндар. Следует также отметить, что дело было не совсем в лени богача. Сабин обладал очень плохой памятью, а прослыть знатоком ему хотелось.

¹² Луций Анней Сенека «Нравственные письма к Луцилию», 27.8. Перевод С. А. Ошерова.

выдаст вам мудрость одной дозой. Важно не то, с чем вы родились. Важно то, как вы этим *распорядились*.

Путь мудрости не просто каменист – его стерегут тролли, он усеян препятствиями. Ждут на нем и тупики, и бездны отчаяния. Головокружительные вершины и ужасающие чудеса. Предстоит немало пройти. По пути вы встретите недружелюбных людей и неприятные идеи. Достаточно ли вы крепки, чтобы справиться с этим? Готовы ли вы к долгому путешествию? Или хотите, чтобы все было красиво, аккуратно и легко?

Даже если вы одарены от природы, даже если уже окончили лучшие школы, мудростью вы еще не владеете. Как пишет Сенека, «сделать остается так много, что непременно нужны твое усердие и твои труды, если ты хочешь чего-нибудь добиться»¹³.

Стало быть, эта книга – не сборник мудрости, а рассказ о работе. Ее цель – раскрыть методы некоторых мудрейших людей в истории, а также ловушки, в которые попадают глупцы. Сами герои не всегда осознанно формулировали эти методы. Мудрые люди нечасто говорят о своей мудрости, глупцы не знают, что они глупы, но и те и другие оставляют нам нечто лучшее: собственный пример.

Тысячелетиями великие мужчины и женщины трудились над мудростью – задолго до того, как Сократ, как говорят, низвел философию с небес на землю. Мы рассмотрим идеи Монтеня и Эмерсона – наших проводников в этой книге – наряду с высокомерием и глупостью тех, кому следовало бы быть умнее. Мы изучим терпеливую, практическую мудрость Линкольна и противопоставим ее импульсивной незрелости так называемых гениев, которые при всем своем блестящем уме так многого не понимают.

Но прежде всего рассмотрим их труд, потому что мудрость никому не доставалась даром.

Как и другие добродетели, мудрость – это следствие правильных поступков, совершенных правильным образом и в правильное время, причем не единожды, а изо дня в день, всю жизнь. Она – результат метода, и все же завладеть ею нельзя.

Потому что *она сама и есть метод*.

И метод этот вовсе не новаторский: это те же практики, те же вопросы, которые люди задавали, и те же действия, которые они предпринимали, с тех пор как начали бродить по земле. Это наставничество и ученичество. Это изучение истории. Это чтение, очень много чтения. Это поиск нового опыта. Это погружение, открытия, анализ, обсуждение, дебаты и поиск ответов. Это сосредоточенность и наблюдение. Это стремление избегать ошибок – и умение учиться на них. Это самоанализ. Это готовность сомневаться в собственных убеждениях. Это верность роли ученика – вне зависимости от возраста и достижений.

Методы могут быть просты, но легко ли им следовать? Ежедневная отдача может быть скромной, но в масштабе всей жизни...

Мы можем стать мудрее, но не мудрыми.

Стать умнее, но не умными.

Приближаться, но никогда не дойти до конца.

Мудрость доступна любому, кто готов ее заслужить.

Мудрость не дарит комфорта.

Мудрость – это битва, которую нужно выиграть.

Мудрость требует усилий.

Мудрость того стоит.

¹³ Луций Анней Сенека «Нравственные письма», 27.4.

Часть I. Агогэ (Ваш тренировочный полигон)

14

Никто не становится мудрым случайно.
Сенека¹⁵

Мы должны добыть это сами. Никто не преподнесет нам образование. Самое важное решение в жизни – стать учеником и оставаться им не только в школе или в своей профессии, но и всю жизнь. Не зря мудрые люди так мало говорят о мудрости. Они по-прежнему слишком заняты ее поисками, по-прежнему видят в себе лишь учеников. Хорошее образование прививает нам правильные ценности, здравые идеи, полезные привычки – тот инструментарий, что позволяет усвоить все уроки, которые способен преподать мир. То, чем мы наполняем разум – не только в юности, но и в зрелом возрасте, – формирует своего рода капитал, которым мы станем пользоваться в будущем. Практика, которую мы нарабатываем сейчас, станет нам опорой... или подведет. Мы должны учиться у истории и у человечества, развивать умение слушать, смотреть, познавать. Мы должны возвращать неуемное чувство любопытства, неутолимую жажду знаний. Чтобы проложить собственный курс, потребуются железная дисциплина и немалое мужество. Приступим?

¹⁴ Агогэ (др. – греч. ἀγωγή – «увод») – жесткая (и жестокая) система гражданского воспитания мальчиков в Спарте.

¹⁵ У Сенеки здесь речь скорее о добродетели в целом: «Никто не становится превосходным мужем случайно: добродетели нужно учиться». Луций Анней Сенека «Нравственные письма», 123.16.

Необычное образование...

Отпрыск знатного рода Мишель де Монтень должен был провести свои ранние годы в роскоши и окружении слуг. Вместо этого родители отправили его жить в местную крестьянскую семью – не из пренебрежения, а чтобы дать ему то, чего он не мог получить дома. Большинство богатых детей в XVI веке отдавали кормилицам и нянькам, однако Монтень жил хоть и по соседству с родовым имением, но в мире, бесконечно далеком от него, – по его собственным словам, «подчиняясь общему для всех естественному закону»¹⁶.

Это было необычное начало необычного образования, которое продлилось до последнего вздоха Монтеня в возрасте пятидесяти девяти лет.

После жизни в крестьянской семье Монтеня вернули домой. Отец постановил, что в присутствии сына все должны говорить исключительно на латыни. Вместо впитывания местного французского диалекта Монтень жил в мире Горация и Катона, осваивая язык так же естественно, как это делали древние.

Эту затею поддерживали даже деревенские жители, и спустя годы Монтень с удивлением услышал, как один из них между делом назвал какой-то предмет латинским словом – настолько глубоко укоренилась привычка, заведенная ради мальчика. Поскольку на иных языках поблизости не разговаривали (учитель латыни был немцем и не знал французского), латинский дался Мишелю быстро и безболезненно. Римляне впервые пришли в Бордо около 60 года до нашей эры. Империя давно пала, но для Монтеня *Urbs Aeterna* – Вечный город – по-прежнему оставался вечным.

Вскоре мальчик владел языком свободнее своих родителей и даже наставника. «Что до меня, – писал позднее философ, – то даже на седьмом году я столько же понимал французский или окружающий меня перигорский говор, сколько, скажем, арабский»¹⁷.

Казалось бы, столь строгое и целенаправленное – если не сказать странное – образование должно было быть лишено радости. Но Монтеню повезло, ибо любовь и нежность формировали его не меньше, чем эти эксперименты. Позже отец решил обучить его греческому языку, превратив занятия в игру: «Мы перебрасывались склонениями вроде тех юношей, которые с помощью определенной игры, например шашек, изучают арифметику и геометрию». Монтень вспоминал, что отцу советовали воспитывать душу сына «в кротости, предоставляя ей полную волю, без строгости и принуждения», уважать его выбор и прививать *любовь* к знаниям. Удивительно ли, что Монтень до самой смерти считал, что у него был лучший в мире отец?

Лишь дважды в жизни его наказывали физически – да и то мягко, как он отмечал; этим вряд ли могут похвастаться многие современные дети, не говоря уже о детях XVI века. По утрам его будил не ворчливый родитель или строгий школьный учитель, а звуки музыкальных инструментов. Так проявлялась трогательная забота: отец был убежден, что вырывать «нежный мозг ребенка» из сна толчком или криком – почти жестокость.

В семь лет Монтень, уже устав от снисходительных детских историй, ради забавы читал Овидия. Но он не был просто книжным червем. В доме Монтеня все служило обучению – даже розыгрыши или ошибки становились материалом для обсуждений. Все было задумано так, чтобы служить «назидательной книгой», из каждой ситуации извлекался урок, даже «про-

¹⁶ Монтень говорит здесь о воспитании детей в целом. «Не берите на себя самих, а тем более не поручайте женам заботу о питании своих детей. Пусть они растут как придется, подчиняясь общему для всех естественному закону, пусть они приучаются и привыкают к воздержанию и простоте, пусть они лучше идут от суровой жизни к легкой, чем обратно». Мишель де Монтень «Опыты», книга III. Перевод Н. Я. Рыковой.

¹⁷ Мишель де Монтень «Опыты», книга I. Перевод А. С. Бобовича. Все цитаты без сносок далее в этой главе также взяты из первой книги «Опытов». Сноски не приводятся для упрощения. Указаны только переводчики цитат из второй и третьей книг.

делка пажа, тупость слуги, застольная беседа»¹⁸ становились возможностью обсудить, поспорить, проанализировать. Все следовало подвергать сомнению. Каждую идею – отслеживать до первоисточника. К великим мыслителям обращались за советом и ответами, но и с ними можно было поспорить. «Пусть наставник заставляет ученика как бы просеивать через сито все, что он ему преподносит, – писал позже Монтень, – и пусть ничего не вдалбливает ему в голову, опираясь на свой авторитет и влияние».

Его учили не трястись над ошибками и даже поощряли признавать их. Главным уроком юности он считал вот что: нужно внушить ученику, что «признаться в ошибке, допущенной им в своем рассуждении, даже если она никем, кроме него, не замечена, есть свидетельство справедливости и чистосердечия, к чему он в первую очередь и должен стремиться». В семье Монтеня упрямство было пороком, а вера в собственную непогрешимость или превосходство – единственным промахом, которого стоило стыдиться.

Наверное, Мишель был потрясен, переступив порог класса в Коллеже де Гиень, основанном при содействии его отца, – впервые оказавшись в школьной среде. Мишель, разумеется, знал, что слово «школа» восходит к греческому слову, означающему «досуг». И тогда и сейчас – какая пропасть между этимологией и реальностью!¹⁹

Монтеня возмущало, что он и его соученики всецело зависели от угрюмого нрава жестокого школьного учителя. Уроков было много, дни тянулись бесконечно; для него и его товарищей казалось пыткой вкалывать по четырнадцать-пятнадцать часов в день, как грузчики²⁰. Их заставляли зубрить, декламировать и переводить отрывки, будто эти шумы, звуки и символы могли заменить понимание. Монтень не удивлялся тому, что так много детей ненавидят школу и, что еще печальнее, так много учителей ненавидят своих учеников.

«Иногда птицы, найдя зерно, уносят его в клюве и, не попробовав, скармливают птенцам, – писал Монтень, – так и наши педанты, натаскав из книг знаний, держат их на кончиках губ, чтобы тотчас же освободиться от них и пустить их по ветру». А его одноклассники, способные лишь повторить то, что узнали от учителей? Не более чем попугаи. «Но знать наизусть еще вовсе не значит знать; это – только держать в памяти то, что ей дали на хранение», – писал он позже.

Школа дала ему основы: математику, логику, поэзию. Но он мечтал сам распоряжаться своим обучением, а позднее с завистью узнал, что Сократ позволял ученикам большую часть времени говорить самим²¹.

В отличие от школьной зубрежки, остальное воспитание требовало *движения*. Танцы, верховая езда, владение пикой, музыка – он брал всевозможные уроки. Монтень и его братья учились французской игре в мяч²², что было необычно, ибо в те времена физическим упражнениям не придавали особого значения. Монтень шутил, что многим его соученикам пошло бы на пользу, если бы они занимались *только* игрой в мяч – по крайней мере, отдохнули бы от школы и окрепли физически. А заодно избавились бы и от самомнения, сопутствующего ощущению образованности. Так или иначе, его растили не изнеженным интеллектуалом, а крепким и энергичным юношей²³.

¹⁸ Монтень в этом месте пишет о воспитании вообще. «А между тем при воспитании в нас этих способностей все, что представляется нашим глазам, стоит назидательной книги; проделка пажа, тупость слуги, застольная беседа – все это новая пища для нашего ума».

¹⁹ Др. – греч. *σχολή* – «досуг», позже «беседа», потом «место для беседы».

²⁰ Автор переносит на детство Монтеня общие рассуждения философа о воспитании детей: «Поэтому я не хочу, чтобы нашего мальчика держали в неволе. Я не хочу оставлять его в жертву мрачному настроению какого-нибудь жестокого учителя. Я не хочу уродовать его душу, устраивая ему сущий ад и принуждая, как это в обычае у иных, трудиться каждый день по четырнадцати или пятнадцати часов, словно он какой-нибудь грузчик».

²¹ «Сократ, а впоследствии и Аркесилай заставляли сначала говорить учеников, а затем уже говорили сами».

²² Речь идет о предшественнике тенниса – игре жё-де-пом.

²³ Однако сам о себе Монтень писал: «Что до ловкости и до живости, то их я никогда не знал за собой... В танцах,

Спасение любого учебного заведения – его преподаватели. Несмотря на все изъяды и разочарования традиционного образования, Монтеню повезло с несколькими выдающимися учителями. Один из них, Джордж Бьюкенен, перебрался в Бордо, спасаясь от религиозных преследований. Будущий наставник королей²⁴, оказавшийся вдали от дома, сумел открыть юному Монтеню глаза на мир.

Бьюкенен обожал театр и ставил в школе пьесы, втягивая в них этого необычного мальчика.

Он поощрял стремление Монтеня к чтению. Во времена цензуры и дорогих книг этот учитель понимал, что школьная программа не утолит любопытства Монтеня. Они договорились: до тех пор, пока мальчик справляется со школьными заданиями, он волен читать что хочет. Можно представить, как Бьюкенен направлял Монтеня, подсовывая ему книги из собственной библиотеки. «Делая вид, что ему ничего не известно, – с благодарностью вспоминал Монтень, – он еще больше разжигал во мне страсть к поглощению книг, позволяя лакомиться ими только украдкой и мягко понуждая меня выполнять обязательные уроки».

Это был к тому же гениальный ход: ведь Монтень видел, как школа отбивала охоту к чтению у многих его соучеников.

Среди прочего он обнаружил прекрасный экземпляр произведений Теренция²⁵, отредактированный Эразмом Роттердамским. Монтень купил эту книгу в 1549 году, когда ему было шестнадцать. Он перечитывал ее всю жизнь, признаваясь, что всякий раз не может не обнаружить у Теренция новую красоту и новое изящество.

Он хорошо учился и окончил школу на несколько лет раньше срока. И в целом ему повезло больше, чем другим. «Но как бы там ни было, – заметил он, вспоминая эти годы, – это все же была школа». Что же он вынес из лет, проведенных там? Ничего, что могло бы сравниться с тем, что он получил дома: там он научился любви к познанию.

Цель образования всегда одна – разжечь любопытство, пробудить желание понять мир и свое место в нем. Но зачастую именно это впоследствии и гасится.

Из всего богатого наследства, ожидавшего мальчика, – обширные земли, замок, винодельня – именно дар любопытства стал самым ценным. «Он рос, стесненный одними из самых причудливых ограничений, когда-либо налагавшихся на ребенка, – отмечала биограф Монтеня Сара Бейквелл, – и в то же время обладал почти безграничной свободой. Он сам по себе был целым миром».

Впрочем, Монтеню, как и всем выпускникам, предстояло шагнуть в реальный мир. Его отец понимал, что образование сына не самоцель. Оно было призвано подготовить юношу к управлению семейным делом, государственной должности, к роли лидера. Монтень должен был послужить обществу, став хранителем ценностей, утраченных не так давно, в Темные века. Возможно, Монтень и предпочел бы стезю ученого, но у жизни – и у его отца – оказались другие планы.

«Юноше приходится еще более торопиться, – писал позднее Монтень, – ведь учению могут быть отданы лишь первые пятнадцать-шестнадцать лет его жизни, а остальное предназначено деятельности». Все мы проходим этот рубеж от учебы к опыту, со школьной скамьи – к школе жизни. Все, о чем Монтень читал, – греческая демократия, Римская империя, судебные дела Цицерона, мощь средневековой церкви – теперь представало перед ним воочию. И не в сиянии золотого века, а в грязи и хаосе настоящего.

игре в мяч, борьбе я никогда не достигал ничего большего, чем самой что ни на есть заурядной посредственности. Ну а в плавании, искусстве верховой езды и прыжках я и вовсе ничего не достиг...» Мишель де Монтень «Опыты», книга II. Перевод А. С. Бобовича.

²⁴ Подразумеваются правители Шотландии Мария Стюарт и Яков VI.

²⁵ Публий Теренций Афр – римский драматург.

Изучив право, Монтень поступил на службу магистратом в парламенте Бордо. Эта должность требовала разбора сложных судебных дел и взаимодействия с различными судами. В те времена кандидатов в магистраты отбирали двумя весьма разными способами. Один, используемый и по сей день, заключался в оценке успеваемости и способностей соискателя путем проверки его знаний. Другой, более простой, – дать кандидату реальное дело и посмотреть, как он справится, что наглядно покажет ход его мыслей.

Именно этот способ Монтень считал лучшим, отмечая: «Все же, говоря по правде, знания представляются мне менее ценными, нежели ум. Последний может обойтись без помощи первых, тогда как первые не могут обойтись без ума».

Почти наверняка Монтень получил эту должность благодаря связям отца. Однако за пятнадцать лет службы он пришел к выводу, что знать закон и *понимать* его – это очень разные вещи. Ему, как и всем великим юристам, пришлось осознать, что теория должна подстраиваться под реальность, а не наоборот, и что только настоящий горький опыт способен сделать человека мастером своего дела.

Монтень быстро понял, что книги о многом умалчивали. Это становилось очевидно, когда он сталкивался с хитросплетениями человеческой души или неоднозначностью судебных решений. Его коллеги не отличались ни особой вдумчивостью, ни смирением. Монтень с ужасом наблюдал, как судья, о неверности которого он знал, выносил приговор за прелюбодеяние, чтобы тут же сесть за любовное послание собственной пассии. Год за годом служба оттачивала его проникательность: он учился понимать, чем дышат люди, как распознать лжеца и как докопаться до истины. Именно поэтому его пригласили служить при дворе короля Карла IX, а в конце юридической карьеры наградили орденом Святого Михаила, что фактически означало возведение в рыцари.

Столкновение с реальностью – это всегда потрясение для молодых людей. Переход из мира идей в мир королей и уголовных судов неизбежно сопряжен с беспорядком и разочарованием, но Франция времен Монтеня, казалось, и вовсе трещала по швам.

Всего поколением ранее Микеланджело расписал Сикстинскую капеллу. Магеллан совершил кругосветное путешествие²⁶. Коперник сместил Землю из центра Вселенной. Расцвет Возрождения принес с собой прекрасное искусство и открытия, перевернувшие картину мира. За Атлантикой открыли Новый Свет. По мере того как слухи о далеких культурах просачивались в Европу, приходилось пересматривать даже представления о размере и форме земного шара.

Но наряду с открытиями и изобретениями пришла и смута. Новые формы мысли и новые технологии, распространявшие новые идеи, расшатывали авторитет церкви, долгое время служившей объединяющей силой. По словам Монтеня, появилось представление, что «весь мир рухнет и близится светопреставление»²⁷. Впервые люди начали оспаривать угнетающую роль священнослужителей и задаваться вопросами «*Почему все именно так?*» и «*Должно ли так продолжаться?*».

Мартин Лютер прибил свои тезисы к дверям церкви. За этим последовали Реформация и Контрреформация. Вспыхнули бунты и волнения. Возникли новые верования, сражавшиеся не просто за право на существование, а за возможность искоренить все остальные доктрины как ереси. Свирепствовали инквизиция и гонения. Цвет Ренессанса увял на эшафоте. До терпимости и открытости эпохи Просвещения оставались еще *столетия*. Как сказал один историк, это был мир, освещенный только огнем²⁸.

²⁶ Магеллан организовал первую кругосветную экспедицию (1519–1522), однако сам он не совершил кругосветного путешествия, поскольку был убит на полпути (в 1521 году).

²⁷ Контекст несколько меняет смысл этих слов: «Кто, глядя на наши гражданские войны, не восклицает: весь мир рухнет и близится светопреставление, забывая при этом, что бывали еще худшие вещи и что тысячи других государств наслаждаются в это самое время полнейшим благополучием?»

²⁸ Отсылка к названию книги американского историка и писателя Уильяма Манчестера «Мир, освещенный только огнем»,

В 1562 году Монтень, состоявший тогда на службе у Карла IX, стал свидетелем бойни при осаде Руана в ходе Первой гугенотской войны; более тысячи человек погибли из-за раскола Франции на религиозной почве. Всего за несколько месяцев до этого герцог де Гиз устроил резню, перебив несколько десятков гугенотов, собравшихся на богослужение в городе Васси. Год спустя самого герцога застрелил из засады французский дворянин Жан де Польтро. Убийцу схватили и приговорили к четвертованию, однако казнь превратилась в кошмар: после нескольких попыток лошади так и не смогли оторвать осужденному конечности, и палач прекратил его мучения ударом меча.

Месть влекла за собой месть. Апогеем стала Варфоломеевская ночь, когда в Сену сбросили десятки тысяч трупов.

Должно быть, особенно чудовищным все это казалось человеку, воспитанному в духе интеллектуального смирения, который верил, что любые идеи следует подвергать сомнению, а людям свойственно ошибаться. «Во всяком случае, заживо поджарить человека из-за своих домыслов, – писал Монтень, – значит придавать им слишком большую цену»²⁹. И все же при его жизни это было обычным делом: тысячи людей сожгли за преступления, по большей части вымышленные. На кострах инквизиции погибли и родственники самого Монтеня, включая прямого предка по материнской линии.

Религиозные войны во Франции длились десятилетиями и унесли жизни более миллиона человек, причем многие погибли неопишимо страшной смертью.

Как же далек был этот мир от идиллической и безмятежной юности, когда отец оберегал Мишеля от бойни и ее последствий, а учителя с улыбкой поощряли его любознательность и причуды!

В мире, где по-прежнему царили средневековые нравы, страх и гонения, свободное и нетрадиционное мышление представлялось рискованным. Опасно было и выделяться из толпы, но семья Монтеня, происходившая из разбогатевших торговцев, была на это обречена. Родственники по материнской линии являлись марранами – испанскими евреями, которые во времена инквизиции перешли в христианство под страхом смерти. Дяди по отцу были протестантами.

Читая о людях, непохожих на него, особенно описания только что открытых народов Нового Света, Монтень проявлял скорее любопытство, нежели осуждение. «Познакомившись со столь великим разнообразием характеров, сект, суждений, взглядов, обычаев и законов, мы научаемся здраво судить о собственных», – говорил он. Разве жители Амазонии четвертовали своих соплеменников? Сжигали их на кострах? Обвиняли в черной магии? Кто же на самом деле варвар?

Позже Монтень велел отчеканить для себя медаль с надписью «Воздерживаюсь», которую носил как напоминание. Он решил, что не позволит затянуть себя в трясину фанатизма и нетерпимости. Не будет ввязываться в дразги и конфликты. Не станет гнаться за тем, за чем гонятся все, или стремиться кого-то обойти и превзойти. Сохранит рассудок, пока весь остальной мир сходит с ума.

Однако эта сдержанность, эта терпимость не снискали ему друзей. Он чувствовал себя чужим в собственной стране. Понимал, что стал мишенью. «Притесняли меня со всех сторон: гибеллин считал меня гвельфом, гвельф – гибеллином»³⁰. Тот, кто отказывается выбрать сторону, наживает вдвое больше врагов.

Должно быть, он чувствовал, что его путь на государственной службе подходит к концу – да и разве можно заниматься государственными делами, когда убийства и гонения стали обще-

посвященной истории Средневековья и Ренессанса.

²⁹ Мишель де Монтень «Опыты», книга III. Перевод Н. Я. Рыковой.

³⁰ Мишель де Монтень «Опыты», книга III. Перевод Н. Я. Рыковой.

принятой нормой, радикализм превратился в обыденность, а будущее казалось столь неопределенным?

Стефан Цвейг, обратившийся к трудам Монтеня в годы нацизма, писал, что мышление писателя поможет поколению, которое живет во время, угрожающее войной: «Лишь ему известно, что на земле нет задачи более тяжелой, нежели сохранить незапятнанной свою духовную и моральную независимость посреди всеобщей катастрофы». Чтобы не сойти с ума от царящего вокруг безумия, нужны мужество, дисциплина, справедливость и мудрость.

В конце 1560-х годов Монтень постигла неожиданная беда. Во время верховой прогулки недалеко от замка один из людей философа нечаянно налетел на него и опрокинул с лошади. Друзья решили, что он мертв, и понесли его искалеченное тело в дом. «Казалось, что жизнь моя держится лишь на кончиках губ»³¹.

Но столь же внезапно жизнь вернулась, и Монтень получил второй шанс. Марк Аврелий в «Размышлениях» писал: «А теперь нужно остаток жизни прожить по природе, как если бы ты, отжив свое, уже умер»³².

Марк Аврелий – один из немногих стоиков, которых Монтень никогда не цитировал, но саму суть он уловил верно. В свете пережитой близости смерти закон утратил прежнюю важность. Придворные дела и ритуалы, должно быть, казались теперь ему мучительно нелепыми, даже гротескными.

И он ушел.

«В год от Рождества Христова 1571-й, – написал он на латыни, выученной по методу отца, – Мишель Монтень, тридцати восьми лет, в день своего рождения, в канун мартовских календ, давно утомленный ярмом судебной службы и общественных должностей, решил, пока еще полон сил, удалиться в объятия ученых дев³³, дабы прожить там в спокойствии и безопасности оставшиеся ему дни из жизни, пройденной уже больше чем наполовину, если судьба позволит ему сохранить эту обитель, сей милый, унаследованный от предков приют, посвященный его свободе, спокойствию и досугу».

Именно здесь, в этой библиотеке, человек, чьим образованием так долго руководили другие, наконец всецело взял бразды правления в свои руки. Отец умер, карьера угасла. Сам он едва не погиб. Жизнь перевалила за половину, а он лишь изучал других людей да решал чужие проблемы.

И тогда он сказал: «Хватит» – и решил последовать древнему завету дельфийского оракула: «Познай самого себя».

Первые несколько лет после несчастного случая казалось, что Монтень только и делал, что читал. В круглой башне унаследованного имения он расставил книги на длинных полках, опоясывающих стены. Окидывая взглядом комнату, он мог видеть всю свою библиотеку – тысячи книг, плоды целой жизни учения. Комнату, которую отец использовал как часовню, Монтень превратил в храм мудрости³⁴. «Это мое пристанище. Я стремлюсь обеспечить за собой безраздельное владение им»³⁵.

Когда он не читал, он размышлял, наслаждаясь уединением и свободой пестовать собственные мысли, упражнять ум.

Один биограф так рисует Монтеня в его стихии: «Он бродит по комнате, снимая с полок одну книгу за другой, открывая их наугад, читая отрывок, а затем рассуждая о нем. Он продолжает говорить мудро, остроумно, добродушно, пока отблески огня играют на его тонком умном

³¹ Мишель де Монтень «Опыты», книга II. Перевод Ф. А. Коган-Бернштейн.

³² Марк Аврелий «Размышления», 7.56. Перевод А. К. Гаврилова.

³³ То есть муз.

³⁴ Вероятно, автор ошибается. Монтень указывает в «Опытах», что его библиотека находится на третьем этаже башни, а часовня – на первом.

³⁵ Мишель де Монтень «Опыты», книга III. Перевод А. С. Бобовича.

лице, а гасконская луна ложится пятнами на пол – пока привычный нам мир не растворяется в его речах и очертания предметов не начинают расплываться и мерцать в свете пламени».

Среди книг на полках стоял сохранившийся со школьных времен экземпляр Теренция. Встречались стоики. Были Лукреций, Гораций, Вергилий и Диоген Лаэртский. И конечно, любимый Плутарх. Размышляя о воспитании юноши, Монтень с восторгом писал: «Каких только приобретений не сделает он для себя, читая жизнеописания нашего милого Плутарха!.. Он старается запечатлеть в памяти ученика не столько дату разрушения Карфагена, сколько нравы Ганнибала и Сципиона; не столько то, где умер Марцелл, сколько то, почему, окончив жизнь так-то и так-то, он принял недостойную его положения смерть».

Монтень позаботился о том, чтобы вырезать любимые изречения на потолочных балках кабинета, прямо над книгами. Некоторые из них принадлежали греческому философу Сексту Эмпирику: ΟΥ ΚΑΤΑΛΑΜΒΑΝΩ («Не постигаю»); ΕΠΕΧΩ («Воздерживаюсь»); ΣΚΕΠΤΟΜΑΙ («Исследую»). Другие – Теренцию: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Третьи – Сократу: «Нечестие следует за гордыней»³⁶. Встречались цитаты из Плиния: «Нет ничего определенного, кроме того, что нет ничего определенного». И конечно, из Эпиктета: «Людей смущают не сами вещи, а их представления об этих вещах».

Стоит ли удивляться, что, сев писать, Монтень начал с вопроса, а не с утверждения: *Que sais-je?* («Что я знаю?») Что Монтень знал о себе? Что он вынес из своего необычного образования? Из книг? От крестьян? От отца? От учителей? Что он знал *на самом деле*, по настоящему?

Отстранившись от кровавого безумия эпохи, он решил исследовать человеческую природу в форме свободных размышлений. Одни занимали не больше страницы, другие тянули на небольшую книгу. Они получили название «эссе» – в переводе с французского «проба, попытка»³⁷.

Монтень писал на самые разные темы: страх, праздность, любовь родителей к детям, жестокость, опыт. Писал он и о своих любимых авторах, и о каннибалах Нового Света. Впрочем, темы этих эссе были всего лишь отправной точкой, поводом исследовать и обдумать *все*, что казалось ему интересным. В конце концов все сводилось к главному герою его поисков – к нему самому. «Я предпочел бы хорошо понимать самого себя, нежели Цицерона»³⁸, – говорил он.

«Он следует за своей темой, как молодой пес за экипажем, сотню раз убегая с дороги, чтобы обследовать окрестности, – пишет один биограф. – Его раскованный ум легок, подвижен и при этом серьезен. Он счищает с вещей корку, радостно вдыхая аромат плода... Он мыслитель, испытатель, скептик. Он бродит среди человеческих представлений, мнений и обычаев и, взяв какую-нибудь мысль, слой за слоем снимает с нее – словно чистит артишок – покровы привычек, предрассудков, времени и места. Он берет мнение одной школы, хвалит его и восхищается, а затем – противоположное мнение другой школы, и тоже хвалит и восхищается. На своих весах он взвешивает идею против идеи, человека против человека, обычай против обычая».

Рождение в мире, объятom хаосом, подарило Монтеню особый шанс. Слишком долго единственным авторитетом во всем оставалась церковь. Слишком много знаний – недоступных и бесполезных – томилось в стенах монастырей. Веками человеку внушали его ничтожность. Но затем истины, долгое время считавшиеся неопровержимыми, благодаря Колумбу и Копернику оказались до смешного ошибочными. Фундаментальные вопросы, которые веками

³⁶ Сократу ее приписывает Стобей, однако эта атрибуция сомнительна.

³⁷ Оригинальное название «Опытов» Монтеня – *Essais*.

³⁸ Мишель де Монтень «Опыты», книга III. Перевод Н. Я. Рыковой.

не задавались и уж точно оставались без ответа, теперь всплывали на поверхность. Тому подтверждение – сам факт, что никто до этого по-настоящему не писал эссе!

Однажды, развлекая свою кошку игрушкой, он замер и спросил себя: кто с кем на самом деле играет? Его эссе изобилуют историями о животных; так он напоминал, что вокруг нас – огромный, прекрасный мир, который мы едва знаем, а порой даже не можем представить. О чем думала кошка, когда он играл с ней? Кем он был для этой кошки? Не меньше его ставили в тупик собственная анатомия, плотские влечения и эмоции. Он просто хотел *знать* все.

Как же это было свежо! Ново и даже дерзко. Сама мысль, что познание имеет значение, что истина важна, что Монтень как личность – это тема, достойная исследования. Но простота и увлекательность этого процесса вовсе не означали легкости ответов. «И неудивительно, – писал он, – ибо проследить извилистые тропы нашего духа, проникать в темные глубины его, подмечать те или иные из бесчисленных его малейших движений – дело весьма нелегкое, гораздо *более трудное, чем может показаться с первого взгляда*»³⁹.

Почти десять лет Монтень корпел над этими эссе, объем которых в итоге превысил тысячу страниц. Писал он прежде всего для себя, попутно изобретая совершенно особый вид «самоусовершенствования». Будет ли это кому-нибудь интересно? Пока гражданская война раздирала Францию, пока люди дрались за обрывки религиозных доктрин, он вел войну против собственного невежества, исследуя то, что делает людей такими странными и удивительными. Это стало его главным наследием – он потянул нить, которую с тех пор вплетают в свои полотна художники, журналисты, социологи, психологи и мемуаристы.

Первое издание Монтеня вышло в 1580 году, и книга быстро проникла в дома почти всех образованных дворян Франции. Ее прочитал король Генрих III, оценил и полюбил Фрэнсис Бэкон. В 1603 году Монтеня перевели на английский, и один экземпляр купил драматург-самоучка (и такой же поклонник Плутарха) по имени Уильям Шекспир. Позже он ловко позаимствовал для «Бури» один отрывок из Монтеня⁴⁰, и, вполне возможно, именно философ вдохновил одну из самых известных строк поэта: «Всего превыше – верен будь себе»⁴¹. Книжки, которые Монтень писал исключительно для себя, оказались нужны всем – они стали тем, что мы сегодня назвали бы бестселлерами, и остаются таковыми по сей день.

Монтень отпраздновал завершение работы и пришедший успех тем, чего не мог позволить себе долгие годы: отправился в путешествие. Формально ему предстояло ехать в Италию по делам, но на деле он использовал поездку прежде всего как возможность увидеть новые места и получить новые впечатления, не переставая при этом учиться, писать и впитывать увиденное.

Вот он бродит по древним руинам. Вот сидит с книгой под деревом. Вот на улицах Рима вслух обращается к Цезарю и Цицерону, твердя сквозь зубы их великие имена и заставляя их звучать в своих ушах⁴². Вот на постоялом дворе, разложив перед собой эссе, то радуется написанному, то, устыдившись, без колебаний вносит правки. Вот его осеняет вдохновение, и он по дороге диктует несколько фраз своему слуге. А вот он засовывает в дорожную сумку только что купленный очередной увесистый том. «Книжки сопровождают меня на протяжении всего моего жизненного пути, и я общаюсь с ними всегда и везде»⁴³.

³⁹ Мишель де Монтень «Опыты», книга II. Перевод Ф. А. Коган-Бернштейн.

⁴⁰ В словах Гонзало (акт II, сцена I) можно найти параллели с мыслями из эссе «О каннибалах» (книга I).

⁴¹ Уильям Шекспир «Гамлет», акт I, сцена 3. Перевод Б. Л. Пастернака. Однако Шекспир не мог вдохновляться переводом Монтеня на английский язык, появившимся в 1603 году, поскольку пьеса написана в 1599–1601 годах. Возможно, он читал Монтеня в оригинале либо видел рукопись перевода до ее публикации.

⁴² Монтень пишет о выдающихся римлянах в целом: «Мне нравится всматриваться в их лица, изучать их манеру держаться, их одежду. Я снова и снова твержу про себя их великие имена, и они непрерывно отдаются в моих ушах». Мишель де Монтень «Опыты», книга III. Перевод А. С. Бобовича.

⁴³ Мишель де Монтень «Опыты», книга III.

В конце концов он не смог полностью отстраниться от общественной жизни. Ни одному мудрецу это не под силу. Он консультировал парламент по вопросам фортификации. Генрих Наваррский, будущий король Франции, сделал его дворянином королевских покоев. Он принимал за обедом важных гостей. Ездил с дипломатическими поручениями. Переписывался с лучшими умами своего времени. Его избрали мэром Бордо – к тому времени крупного и важного города, – а затем переизбрали на второй срок. Однажды гонения, которых он так страшился, настигли его: он оказался в Бастилии. Но теперь его спасла слава: он вышел на свободу стараниями Екатерины Медичи. И несмотря ни на что, он продолжал читать, писать и править свои «Опыты». Даже в последние месяцы жизни он консультировал короля Генриха III⁴⁴, пытаясь сделать из него короля-философа.

В Риме он просил сделать его почетным гражданином, но на самом деле давно был гражданином мира. Друг самому себе и всем вокруг, он жил вне времени и границ, общаясь с «самыми великими мудрецами, когда-либо существовавшими на свете», как повелось с самого детства.

Он оставил свой след не на политической арене, не на поле битвы, не в научных открытиях и не в ученых трактатах. Вместо этого он продолжил тот образовательный эксперимент, который начался еще в его детстве, воплощая замысел отца и стараясь оправдать все ожидания и труды, вложенные в него учителями. Он исследовал неведомый и неизведанный континент – самого себя.

Он задал больше вопросов, чем дал ответов; прочитал больше, чем написал; увидел больше, чем понял. Он пытался взглянуть на себя и свое время со стороны. «И еще хорошо, если через какое-нибудь столетие будут помнить, хотя бы смутно, о том, что в наше время во Франции бушевали гражданские войны»⁴⁵. Он знал, что его, скорее всего, забудут, но не впал в отчаяние. И не стал ставить крест на человечестве. В этом он и был истинно мудрым человеком.

Какой урок мы извлекли из жизни Монтеня? Прежде всего о том, что образование не заканчивается никогда. Мы знаем: пусть поначалу нас направляют другие, но со временем штурвал переходит в наши руки – мы должны учить себя сами, если хотим что-то постичь. Монтень показал нам: эго – враг мудрости, а самомнение – преграда на пути к знанию. Его пример учит нас всегда сохранять любопытство, всегда задавать вопросы, всегда быть открытыми и готовыми узнать что-то новое. И наконец, мы понимаем: мы учимся ради того, чтобы жить, и все достижения блекнут по сравнению с редчайшим из сокровищ – *самопознанием*.

Его образование началось со свежего взгляда и опиралось на нетрадиционные методы, и самый необычный из них – учеба никогда не прекращалась. «В юности я учился, чтобы похвалиться своей ученостью; затем – короткое время – чтобы набраться благоразумия; теперь – чтобы тешить себя хоть чем-нибудь; и никогда – ради прямой корысти»⁴⁶.

Он продолжал учиться до последнего вздоха, и, в сущности, вопросы, которые он задавал, и внутреннее путешествие, которое он так красноречиво описал, и по сей день продолжают в каждом из нас.

Если только у нас хватит смелости и дисциплины принять вызов, который он нам бросил.

⁴⁴ Монтень умер в 1592 году, так что не мог в последние месяцы жизни общаться с королем Франции Генрихом III, убитым в 1589 году. Возможно, автор имеет в виду вышеуказанного Генриха Наваррского, который носил имя Генрих III как король Наварры и имя Генрих IV как король Франции.

⁴⁵ Мишель де Монтень «Опыты», книга II. Перевод Ф. А. Коган-Бернштейн.

⁴⁶ Мишель де Монтень «Опыты», книга III. Перевод А. С. Бобовича.

Беседуйте с мертвыми

Он прибыл из Финикии. Позади остались долгое путешествие из порта в порт и торговля пурпуром – той самой краской для плащей, которые носили богатейшие греки.

Но сегодня молодой Зенон пришел не ради барыша.

Подойдя по извилистой священной дороге к храму Аполлона, обители Дельфийского оракула, он приступил к сакральным ритуалам, омыв руки в святом источнике, и воскурил благовония. Мерцающие факелы озаряли его путь во внутреннее святилище, где жрица ждала его вопроса.

В чем секрет хорошей жизни?

«Ты обретишь мудрость, – сказала Зенону жрица, – когда начнешь беседовать с мертвыми»⁴⁷.

Ему потребовались годы и ужасное несчастье, чтобы понять, что она имела в виду⁴⁸. В тридцать лет, пережив кораблекрушение, Зенон оказался в Афинах без денег. Зайдя в книжную лавку на агоре, он услышал, как читают историю из жизни Сократа. И внезапно смысл слов жрицы открылся ему⁴⁹.

Сократ уже много лет покоился в могиле. И все же Зенон слушал его слова, словно тот был жив. *Беседы с мертвыми*. Вот что такое книги!⁵⁰

В той книжной лавке Зенона окружали мертвые: поэты и философы, драматурги и сказители. Со страниц этих книг они делились мудростью, опытом, идеями и озарениями. Когда он брал в руки Платона или Ксенофонта, Еврипида или Гомера, Аристотеля или Сафо, он мог слышать их; собственной рукой он мог ответить им на полях⁵¹.

И сегодня мы называем чтение и изучение этих книг, многие из которых входят в так называемый Западный канон⁵², *великим диалогом*.

Однако большинство людей предпочитают оставаться в стороне или участвуют в этом диалоге лишь от случая к случаю. Среднестатистический человек тратит около двадцати часов в неделю на телевизор и проводит почти пять часов в день, уткнувшись в телефон. Мало кто читает столько же.

Между тем Шарль де Голль, будучи президентом Франции, прочитывал по две-три книги в неделю и славился тем, что знакомился с произведениями всех лауреатов ежегодных литературных премий. Занимая пост канцлера Германии, Ангела Меркель штудировала многостраничные труды по истории XIX века и с головой погружалась в Шекспира. Генерал Джеймс Мэттис на посту министра обороны ежедневно выделял час на «чтение за обедом», а еще раньше успел прочитать стоиков и сотни других книг, находясь в зонах боевых действий. Отправляясь в египетский поход, Наполеон взял с собой 125 книг. Франклин Делано Рузвельт прочитал

⁴⁷ Автор добавляет художественные подробности к рассказу Диогена Лаэртского: «Он обратился к оракулу с вопросом, как ему жить наилучшим образом, и бог ответил: “Взять пример с покойников”». Диоген Лаэртский «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». Перевод М. Л. Гаспарова.

⁴⁸ У Диогена Зенон сразу понял, что означает фраза оракула, и стал читать древних писателей.

⁴⁹ Так получилось, что история, которую услышал Зенон, была историей Геракла на распутье, той самой, которая открывает каждую из книг этой серии.

⁵⁰ Автор переделывает рассказ Диогена: «Он плыл из Финикии в Пирей с грузом пурпура и потерпел кораблекрушение. Добравшись до Афин – а было ему уже тридцать лет, – он пришел в книжную лавку и, читая там II книгу Ксенофоновых “Воспоминаний о Сократе”, пришел в такой восторг, что спросил, где можно найти подобных людей. В это самое время мимо лавки проходил Кратет; продавец показал на него и сказал: “Вот за ним и ступай!” С тех пор он и стал учеником Кратета».

⁵¹ Это художественный образ. Разумеется, у этих книг не было страниц (они имели вид свитков), и делать пометки на полях в книжной лавке Зенон не мог.

⁵² Культурный канон западной цивилизации – произведения литературы, музыки, изобразительного искусства.

«Мою борьбу»⁵³ на немецком языке в 1933 году – вскоре после вступления в должность президента, в самый разгар тяжелейшего экономического кризиса.

У каждого из нас есть время на чтение.

Просто мы мало читаем.

Это едва ли не величайшее безумие на свете. Представьте, что у вас есть сверхспособность – умение говорить с мертвыми, – но вы ею не пользуетесь! Представьте, что можете беседовать с мудрейшими людьми, когда-либо жившими на земле, – как говорил Толстой, – и не делаете этого!⁵⁴

Если задуматься, какую непомерную цену пришлось заплатить за мучительные уроки – личные и исторические, – запечатленные в бесчисленных биографиях, мемуарах и художественной прозе, то дешевизна книг кажется почти оскорбительной. Не по карману? В библиотеке их выдают бесплатно!

Неважно, умеем ли мы читать. Если не читаем, то, по словам генерала Мэттиса, добровольно соглашаемся быть *функционально неграмотными*.

К мудрости ведут множество путей, но почти каждый из них пролегает через книги.

Назовете ли вы хоть одного по-настоящему мудрого человека, который не читает? Знаете ли хоть кого-нибудь, кто много читает и при этом не хотел бы читать еще больше?

Гарри Трумэн вырос в маленьком городке с населением в несколько тысяч человек. В книгах он находил не просто знания, а отдушину – возможность путешествовать в иные миры и перемещаться во времени. По его подсчетам, он перечитал практически все книги в городской библиотеке, занимавшей всего две комнаты, – начав с детского отдела. К пятнадцати годам он трижды прочел Библию короля Якова от корки до корки, а также «все жизнеописания мировых лидеров и исторические труды, какие только смог найти».

А каков *ваш* читательский возраст? Речь не о том, насколько сложные тексты вы способны одолеть, а о том, сколько лет жизни и опыта вы приобрели благодаря чтению. Трумэн, пожалуй, был «самым старым подростком» во всем штате Миссури. Чтение не просто изменило его – оно позволило ему *прожить* множество жизней, впитать опыт целых *поколений*. И это мы еще не говорим о художественной литературе, которая открывает совершенно иные миры с неведомыми существами и рождает смелые фантазии!

Трумэн, как и Монтень, всю жизнь читал Плутарха. Мальчиком он копил деньги на собственный экземпляр и упрашивал отца почитать ему вслух. Это было его знакомство с жизнеописаниями великих мужчин и женщин древности⁵⁵. То, что началось как развлечение, стало подспорьем в карьере. «Занимаясь политикой, – вспоминал он, – я порой пытался понять, что представляет собой тот или иной человек; тогда я обращался к Плутарху и в девяти случаях из десяти находил там какую-нибудь параллель»⁵⁶.

К сожалению, слишком многих людей не учат, *как* читать по-настоящему, как извлекать из книг практическую пользу. Читателям не объясняют, что они вправе бросить никудышную книгу, не согласиться с автором или с головой нырнуть в кроличью нору знаний, чтобы досконально изучить тему.

Поскольку чтение – это беседа, настоящие читатели не пассивны. Они устраивают книгам допрос с пристрастием, они призывают автора к ответу. Задают вопросы. Возражают. И читают

⁵³ Книга А. Гитлера «Моя борьба» внесена в России в Федеральный список экстремистских материалов. *Прим. ред.*

⁵⁴ «Что может быть драгоценнее, чем ежедневно входить в общение с мудрейшими людьми мира?» Лев Толстой «Круг чтения».

⁵⁵ В «Жизнеописаниях» Плутарха отдельных биографий женщин нет. Возможно, автор подразумевает какие-то эпизоды из биографий мужчин.

⁵⁶ Не только Плутарха. Один репортер, разыскивая источник какой-то фразы Трумэна, нашел в Библиотеке Конгресса книгу, которую не спрашивали уже много лет. Последним человеком, читавшим ее, был сенатор Гарри Трумэн в 1939 году. *Прим. авт.*

не от случая к случаю, а постоянно, жадно поглощая художественную и документальную литературу, философию и историю, мемуары и биографии, поэзию и прозу.

Подобно Монтеню, чей любимый томик Лукреция дошел до наших дней с пометками владельца, один из отцов-основателей США Джон Адамс всю жизнь писал на полях, создавая так называемые маргиналии. Страницы его книг свидетельствуют: он не был пассивным читателем и ничего не принимал на веру. «Глупец! Глупец! – писал он. – Вздор!» Но когда ему что-то нравилось, он выражал согласие, порой награждая автора заслуженным: «Отлично!» В одной лишь книге о Французской революции Джон Адамс оставил около двенадцати тысяч слов комментариев и замечаний.

Чтение помогает срезать путь, но это все равно тяжелый труд.

Труд, который того стоит.

Мудрость, которую Зенон обрел благодаря чтению, опыту и личным утратам двадцать пять веков назад, не только спасла ему жизнь, но и легла в основу стоицизма – традиции, живой по сей день. Именно это дают нам книги: возможность малой ценой получить знания, за которые кто-то другой заплатил болью и страданиями.

Задумайтесь, сколько людей жили до вас; подумайте о грандиозности их судеб, о том, что они говорили, что слышали, что совершили. Представьте, как они сидят за столом и мучительно пытаются облечь свой опыт в слова ради других. Вспомните об историках, философах и мудрецах, посвятивших жизнь попыткам понять, как и почему разворачивались события, как и почему отдельные личности принимали судьбоносные решения. Подумайте обо всех книгах, которые им пришлось прочесть, чтобы создать один-единственный том, вобравший в себя самую суть.

Все они давно мертвы и погребены, но продолжают тянуться к нам, спрессовывая столетия и сокрушая преграды, преодолевая время, пространство и бездну различий во взглядах. Они протягивают вам руку на вашем жизненном пути.

Примете ли вы ее? Прислушаетесь ли к ним?

Перед нами великий поток цивилизации и опыта. Войдем ли мы в него? Изопьем ли из него?

Каждый из нас неповторим – со своими взглядами, вкусами и опытом. А значит, каждая книга отзывается в нас по-разному. Но это также значит, что всякий раз, не взяв в руки книгу, мы упускаем связи и озарения. Стоит проявить беспечность, и река протечет мимо – безвозвратно, чтобы уже никогда не вернуться.

Вы должны читать.

Читайте новое.

Читайте старое.

Перечитывайте то, что уже читали.

Прочтите пару страниц из одной книги, пару из другой. Задержитесь, если отрывок вас зацепил.

Читайте важное.

Читайте прекрасное.

Читайте мрачное.

Читайте то, с чем не согласны.

Размышляйте.

Читайте больше.

Повторяйте.

Беседуйте с мертвыми до самой смерти.

Будьте любознательными

Они были просто любознательными мальчишками – с этого все началось.

Отец привез домой из поездки маленькую игрушку. Рейка, несколько резинок и два пропеллера – *но эта штука летала.*

Как?

Орвилл и Уилбур смотрели заворуженно; они часами играли с этой летающей машинкой, и это разожгло их любопытство так, что утолить его братья пытались всю оставшуюся жизнь.

«Неверно утверждать, что у нас не было никаких особых преимуществ, – скажет Орвилл уже после того, как они с братом изменят мир и поднимут человека в воздух. – Нашим главным козырем было то, что мы выросли в семье, где всегда и всячески поощрялась тяга к знаниям».

Дом Райтов был полон книг. Фукидид. «История упадка и разрушения Римской империи» Гиббона. Мильтон. «Сравнительные жизнеописания» Плутарха. Дарвин. Диккенс. Марк Твен. Полки ломились от классики и передовых для того времени научных трудов. В этой семье каждый должен был читать.

Успехи в школе? Важны, но родители всегда с пониманием относились к ситуациям, когда мальчики отрывались от учебы ради своих проектов. Главное – следовать любопытству до самого конца, даже если это доставляло неудобства или беспорядок. «Мама никогда не выбрасывала ничего из того, что мастерили мальчики, – рассказывала их сестра Кэтрин Райт. – Любую мелочь, попадавшую ей под ноги, она подбирала и клала на кухонную полку».

Как братьям Райт, у которых было меньше тысячи долларов и не имелось дипломов колледжа, удалось решить проблему пилотируемого полета раньше, чем это сделали правительства мировых держав? Как их самолет обошел американский государственный проект стоимостью около семидесяти тысяч долларов (*миллионы*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.